

Николай Дегтярёв

ОСТАТЬСЯ СОБОЙ

ТРИЛОГИЯ

Благовещенск
2024

КНИГА ВТОРАЯ

Быть человеком

Повесть

СОЛНЕЧНЫЙ

Кто здесь не был, это не поймёт.

А кто был, навеки не забудет.

– Весна. Крестьянин торжествует: снял тулуп и в ус не дует, - вслух перефразировал известное с пятого класса стихотворение Степан, увидев свисающую с крыши, покрытой шифером, довольно большую сосульку. Ярко светило солнце и казалось, что большие сугробы снега под забором стали тёплыми. Облепив большой куст черёмухи, весело чирикали воробьи. «Они тоже чувствуют весну. А почему - тоже, да они ближе к природе, поэтому веселее и счастливее людей», - подумал Стёпа, ковыряя кирзовым сапогом недавно выпавший мягкий и ещё совсем белый, не запачканный дорожной пылью и гарью снег. Вышел со двора, огороженного штакетником, сел на скамейку и, подставив лицо тёплым лучам солнца, закрыл глаза. Спокойствие и умиление охватило восемнадцатилетнего парня.

– Ты что, спишь?

Стёпа открыл глаза – перед ним стоял Юрка Жунковский.

– Греюсь.

– Да, солнышко работает, – присаживаясь рядом, как-то по-стариковски произнёс Юрка.

Минут пять ребята сидели молча, щурясь от весеннего солнца.

Первый заговорил Юрка:

– Последний год учёбы. Ты куда наметил поступать?

– Я же пока в вечерней школе. Ты сам знаешь, у меня с точными науками полный швах. Все эти физики, химии, алгебры не для меня. Я в литературу бы пошёл, но с моим почерком точно не пролезет.

– А я в лётное училище наметил.

– Ты пройдёшь, – уверенно подтвердил Стёпа, – ты парень настырный. Вот решил научиться играть на баяне – научился. А я на гармошке пиликал-пиликал, так, кроме «Ты подгорна, ты подгорна, широкая улица...» да «Барыня-барыня.», толком ничему не научился. А на гитаре семиструнной не успел: Эдька увёз к себе на пароход – теперь на палубе после вахты брынькает. Ты же знаешь – он речное училище в Благовещенске закончил. Единственное, что я сделал в музыкальной сфере, это в духовом оркестре на базе научился лабать – когда в интернате учился.

– А я на корнете играл, у нас в ДК.

– Корнет когда-то был главным солистом в оркестре.

– Да, теперь труба. Помню, Эдька тебе тельняшку привозил – зимнюю, а ты её летом носил в жару.

– Успел похвастаться перед пацанами, осенью он её забрал: поносил – хватит!

– Поступишь куда-нибудь.

– Я уже решил, поеду на комсомольско-молодёжную стройку в Солнечный.

– Это где-то в Хабаровском крае?

– Да, под Комсомольском.

– Молодец, строителем быть почётно.

– До армии поработаю, там видно будет, куда поступать.

– Тебе бы в военное училище: ты всегда был командиром, когда в войну играли.

– Эй, командиры, шагом марш за стол, я уже накрыла, – из-за забора слышался голос Стёпиной мамы.

– Спасибо, тёть Маруся, мне пора, а то мамка то же, наверное, ждёт, – будет ругаться.

– Как хочешь, а клёцки на молоке ты любишь, я-то знаю.

– Я галушки со сметаной люблю.

– А какая разница, и с молоком пойдёт, – вмешался в разговор Стёпа.

– Уговорили, только я ненадолго.

– Ну что, Юра, всё же в «лётное» поступаешь?

– Да, пришло время.

– Стёпа забрал документы из мореходки, чтобы меня поддержать, а теперь уезжает на стройку.

– Кажется, у китайцев есть поговорка: «Родители и учителя только открывают двери, а дальше человек идёт сам», – ответил Юра и грустно улыбнулся.

Через неделю Степан приехал в Солнечный, вышел из автобуса, поставил свою спортивную сумку на сугроб и спокойно осмотрелся. Яркое солнце сверкало на голубом безоблачном небе. Заросшие лиственницей и елями сопки, покрытые снегом, окружали город-спутник Комсомольска. Около десятка пятиэтажных домов, часть из которых явно находилась в стадии незавершённого строительства, возвышались на сопке, под которой расположился посёлок щитовых барачков.

– Не подскажите, где здесь контора? – обратился Стёпа к прохожему.

– Смотря какая.

– На работу устроиться.

– Я об этом тебя и спрашиваю. Ты что: приехал строить город или ГОК?

– А что такое ГОК?

– Горно-обогатительный комбинат.

– Конечно ГОК.

– Вон, видишь барак с флагом.

– Спасибо.

– Удачи!

Кадровик, средних лет мужчина в лохматом свитере, оценивающе осмотрел стоящего перед ним парня:

– Ты приехал сюда за романтикой или за длинным рублём?

– Не знаю, на работу я приехал. Всё же Всесоюзная комсомольско-молодёжная стройка.

– А ты что, комсомолец?

– Да, с шестьдесят первого года.

– Хорошо, пойдёшь в УНР-860¹ бетонщиком?

– Да, я работал с бетоном, мы сами его замешивали и фундамент заливали.

– Значит, справишься, здесь с БРУ² готовый бетон привозят. Вон образец, пиши заявление. Я пока позволю коменданту общежития.

Стёпа макнул перо в чернильницу-непроливашку, здесь же на столе взял лист бумаги и уверенно начал писать своим корявым почерком, не обращая внимания на орущего в телефонную трубку «кадровика».

– Ну, что ты там возишься? Давай заявление начальнику на подпись, я сам отнесу. Вот, держи направление в общежитие, будешь жить в пятом доме. Это на сопке – найдёшь.

– До свидания.

– Стой, куда побежал? Устроишься в общеаге, сходишь на стройку, найдёшь мастера Халявко. Вот направление.

– А спецовку?

– Это с ним решай, я ему позвоню.

Степан поднялся на сопку по асфальтированной дороге, выглядевшей странно на фоне дикой тайги и обгоревших сопков. Улиц пока не было, дома нумеровались

¹ УНР-860 – управление начальника работ – 860.

² БРУ – бетонно-растворный узел.

по порядку их строительства. Пятый дом, как и другие жилые дома, был облицован силикатным кирпичом, но в отличие от остальных, временно использовался под общежитие.

Комендант – Ганна Викторовна, солидная женщина лет сорока – проживала в первой квартире, здесь же было её рабочее место. Глянула на Степана как на врага народа:

– Паспорт. Отдам, когда пропишу.

Степан молча достал из сумки паспорт.

– Паспорт надо носить в кармане: сумку утащат или потеряешь, а докúмент должен храниться надёжно. Будешь жить в седьмой комнате. Там сейчас четверо, а комната на семерых, так что милости просим. Пока даю тебе запасной ключ, когда сделаешь свой, этот вернёшь мне.

– Как я его сделаю?

– У вас в комнате есть специалист: за чекушку¹ делает тебе любой ключ, хоть от сейфа. Бельё получишь во второй комнате, кастелянша² скоро подойдёт.

– Спасибо.

Степан, не попрощавшись, вышел. Дверь в кастелянскую была открыта. Степан, не спросившись, перешагнул порог.

– Здравствуйте.

– Напугал. Стучаться надо. Новенький?

– Да. В седьмую квартиру комендантша направила.

– Вот здесь – напиши фамилию, имя, отчество и распишись.

С сумкой и охапкой постельного белья Степан поднялся на третий этаж. Позвонил и, не дождавшись

¹ Чекушка – изначально четушка, русская единица измерения объёма жидкостей, применявшаяся до введения метрической системы мер. (0,25 литра).

² Кастелянша – сотрудница, ответственная за хранение и выдачу постельного белья, одежды.

ответа, открыл дверь своим ключом. Степану приходилось жить в общежитиях, поэтому он не обратил внимания на побеленные пустые стены, на отсутствие занавесок и прочей «мишуры», которой переполнены женские «общаги». Бросил бельё на свободную кровать, рядом поставил свою спортивного типа сумку и присел на полосатый матрас. Только сейчас он почувствовал усталость. Снял ботинки и лёг. Через минуту он плавно погрузился в глубокий сон. Приснились ему снежные горы, заросшие лиственницами. Степан поднимается в сопку, оставляя позади себя «вспаханный» снег. Подъём становится всё круче и круче, ноги не слушаются, но идти надо – и он упорно поднимается всё выше и выше. Наконец вершина достигнута. Перед Степаном открылся удивительный пейзаж бесконечной гряды сопкок, переходящих в огромные скалистые горы. А среди этой дикой красоты расположился небольшой городок, с белыми пяти- и девятиэтажными домами, Дворцом культуры, школой, детским садом, магазинами – и всё это покрыто зелёными насаждениями и цветами. Но ни одного человека. «Мёртвый город», – подумал Степан. И вдруг на него обрушилась снежная буря, раздался мощный раскат грома. и Степан проснулся, открыл глаза. Сердце продолжало сильно биться. Посередине комнаты стоял мужик, на вид лет тридцати пяти.

– Ты кто? – сильным голосом проговорил Степан.

– Во даёт! Это я должен спросить: кто ты такой, что находишься в моей комнате.

– Степаном меня называют, а сюда меня поселили.

– Володя. У тебя кровь с носа течёт.

Степан приложил платочек, он быстро напился кровью, молча сел на кровать, прижал подбородок к груди.

– Ты ляг на спину и запрокинь голову, – посоветовал Володя.

– Не годится. У меня в детдоме часто кровь шла из носа, я знаю, что делать, а при твоём методе кровь перестанет идти из носа, потому что пойдёт в глотку. Зачем самому у себя пить кровь?

Через пару минут Степан как ни в чём не бывало продолжил знакомство:

– Меня приняли бетонщиком на ГОК. Мне приходилось работать каменщиком и даже печником и плотником.

– Так ты профессионал? Какой стаж работы?

– На школьных каникулах и после окончания школы.

– Так сколько тебе лет? В армии служил?

– Восемнадцать.

– А мне тридцать три. Крупный ты парень для своего возраста. А что тебя занесло сюда?

– Романтика. «Мы не тунеядцы – мы романтики. Начальник, нам здесь уже надоело, вези дальше».

– У тебя прививка от энцефалита есть?

– А зачем?

– Здесь полно энцефалитных клещей. В экспедицию не берут без прививки, но на стройке можно. Теперь уже поздно ставить. Дам тебе совет. Когда начнёт выворачивать кости, твоя задача – срочно принять позу.

– Раком, что ли?

– Нет, голову поверни влево, а правую руку вытяни чуть вперёд, ладошкой кверху.

– Это ещё зачем?

– Дело в том, что тебя парализует в позе с протянутой рукой и головой, повернутой в противоположную сторону. А так удобней милостыню просить – тебе же

будет стыдно, вот и получается – голова смотрит туда, а рука вытянута сюда. Ты вроде ни при чём, а люди деньги кидают.

Степан рассмеялся первым:

– Дошло! Оригинальная идея!

Степан заправил кровать и взялся за сумку.

– Володя, куда мне вещи поместить?

Тем временем вскипел чайник.

– Умывайся, сейчас чайку запарим.

– У меня пачка ирисок осталась с дороги.

Уже после пары глотков крепкого чая Степан взбодрился и повеселел. Много ли человеку надо?! Не прошло и трёх часов, как он вылез с автобуса, неуверенно и робко осматриваясь, никому ненужный и одинокий. Сейчас в нём появились уверенность и спокойствие. Крыша над головой есть! Работа есть! Что ещё надо?!

Степан быстро допил чай:

– Я пошёл, надо отметить в бригаде.

Степан бодро спустился с сопки, уверенно прошагал мимо конторы, но вот дорога резко прервалась у берега бурной речки. «Чудаки, дорогу, притом асфальтированную, сделали, а мост не построили», – подумал Степан и пошёл в обход по наезженной грузовиками дороге. Разулся, перешёл по ледяной воде и скользким камням на правый берег.

Вскоре предстал перед будущим Солнечным горно-обогачительным комбинатом. На склонах пологой сопки сооружался гигант по переработке оловянной руды. На большой строительной площадке было оживлённо: строительные краны указывали своими стрелами путь первопроходцам, сновали самосвалы, напряжённо ворчали бульдозеры – жизнь кипела.